

«Русской земли человек замечательный»

К 200-летию юбилею Т. Г. Шевченко

Так называл великого украинского поэта и мыслителя его современник — поэт Н. А. Некрасов в стихотворении «На смерть Шевченко», написанном сразу после его похорон¹, в которых приняли участие украинцы и поляки, евреи, грузины и представители других народов, живущих в Петербурге. А также огромное число русских, среди которых классики русской литературы Ф. М. Достоевский и М. Е. Салтыков-Щедрин, сам Н. А. Некрасов и Н. С. Лесков, многие другие литераторы и публицисты. Еще раньше члены Литературного фонда заботились о том, чтобы лечить больного поэта, они же приняли решение похоронить его за свой счет — но это сделали русские художники вскладчину. Похороны стали одной из первых общественных демонстраций в Петербурге. А после смерти Шевченко начались аресты М. Михайлова, В. Обручева, Д. Писарева, Н. Чернышевского, Н. Серно-Соловьевича, А. Красовского, Н. Шелгунова; умерли или погибли А. Добролюбов, С. Сераковский, А. Потебня. Многие из них лично знали Шевченко или писали о нем.

По словам из того же стихотворения, «русских людей провиденье игриное» привело к тому, что умер Шевченко 10 марта 1861 года — на второй день после своего 47-летия, так и не дожив несколько дней до указа об освобождении крестьян от крепостной зависимости, умер на гребне своей славы в столице Российской империи.

Непросто давать статье такое название: двухсотлетний юбилей Тараса Григорьевича Шевченко приходится на трудные времена для отношений между украинским и российским государствами и обществами, украинским и русским народами, а также их культурами. Но ведь история этих отношений никогда не отличалась излишней простотой, и обращение к творчеству гениального поэта и политического мыслителя доказывает это. Равно как и то, что их выстраивание должно вестись постоянно, ибо если без кон-

ЗАДОРЖНИК Иван Евдокимович — доцент кафедры философии Современной гуманитарной академии, доктор философских наук.

ЛАВРИК Элла Григорьевна — ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, доктор исторических наук.

Ключевые слова: Т. Г. Шевченко, Украина, Россия, культурное наследие, поэзия, русский язык, украинский язык, самодержавие, национальная идентичность, украинский национализм.

¹ Опасаясь обысков, Некрасов не решился хранить у себя стихотворение, и оставил лишь половину листа с рифмами; в 1876 году он продиктовал его сестре А. Буткевич. Вскоре стихотворение было напечатано.

структивного взаимопонимания и сердечного взаимочувствия между ними наступит крах таких отношений, то следствием этого станет приближение и гибели (восточно)славянского мира.

Конечно, данные отношения не сводятся к экономической прагматике и политической целесообразности — они по определению не могут не быть братскими; и слово главы одного из государств в конце 2013 года, объясняющее подобного рода устремлениями необходимость помощи другому, — не только риторическая фигура. Даже если помнить, что братство — феномен далеко не однозначно позитивный: Каин и Авель были братьями, войны между «братскими» народами, включая славянские, часто кровопролитны, взаимное ожесточение в обвинениях до и после них достигает наивысшего градуса (достаточно вспомнить отношения между сербами и хорватами, у которых, по сути, единый язык и лишь различное графическое его оформление). Однако самого факта братства это не отменяет (оно, как говаривал русский поэт с украинскими корнями В. Маяковский, существует — и ни в зуб ногой), равно как и возможности продуктивного использования потенциала братских отношений в нелегкие времена.

Только реализация этой возможности достигается через взаимопонимание, а не через возвеличивание одного через уничижение другого, не через отторгающие друг от друга выдумки и насмешки, мифы и стереотипы. Это надо помнить и сегодня, когда то затихающая, то крепнущая в течение почти четверти века на (в) Украине, фигурально выражаясь, ругань «майданных супругов», которых кличут «Геть» и «Ганьба», заглушает голос разума; именно она доносится к (а иногда и натужно адресуется) России. И поэтому надо вспомнить, что значила и значит для развития не только украинской, но и русской культуры фигура великого поэта. Может, и не вполне одинаково для обеих этих культур; но уж не считаться с тем, что сделал Шевченко для культуры русской (и что сделала она для него), никак нельзя.

Держа в поле зрения два высокозначимых факта — тот, что великий украинский поэт формировался и в поле русской культуры, и в частности литературы, и тот, что его творчество в свою очередь мощно влияло на эту литературу, в данной статье (а скорее систематизированных заметках) отметим лишь некоторые моменты. А именно, будут рассмотрены русскоязычные творения украинского поэта и поставлен вопрос, почему многие русские читатели, в частности великие писатели — создатели классической и первостепенной для художественного развития всего человечества литературы, все-таки восхищались украиноязычными стихотворениями и поэмами Шевченко, более того — стремились донести их поэтическую мощь и до других народов.

Наши заметки касаются лишь части проблемы и вовсе не претендуют на полную достоверность, и такое предуведомление — отнюдь не авторское самоуничижение. Дело в другом: любой исследователь или интерпретатор, вступая на почву шевченкознания (как, кстати говоря, и пушкиноведения), должен быть готов к тому, что над каждой теорией, выстроенной на такой вулканической почве, нависает угроза трясения и даже уничтожения. При этом наиболее «прочные» и «красивые» здания воздвигаются к юбилейным датам — и последнее дело упрекать людей, что они это делают. Ведь любовь к Шевченко (как и к Пушкину) требует своего рода самоотверженности, даже если помнить почву, под которой все еще бушуют вулканы.

То, что Шевченко — величайший поэтический гений, признается везде, и растущее число памятников ему по всему миру (один из них сравнительно недавно был воздвигнут в Варшаве) это подтверждает. При этом не надо забывать, что он — пророк обездоленных и политический лирик, выражающий голос угнетенных масс (украинских крепостных, но не только их). Об этом в России при жизни поэта писали западники и славянофилы, после его смерти — украинец Н. Костомаров и русский А. Григорьев, на это же указывали гении русской классической литературы². Что такого рода оценки не устаревают, свидетельствует голос исследователя В. Скуратовского, который подчеркивал: «Планетарное значение Шевченко в том, что именно он впервые в истории (и не литературы, а человечества) нарушил тысячелетнюю немоту [угнетаемых]; именно впервые через него прозвучала через слово, а не только через крик, как говорили средневековые теологи, “субстанция ада”, его ужасающее, насквозь пронизанное страданием “вещество”...» Вряд ли цитируемый выше автор придерживается марксистских взглядов, но и дальнейшее его высказывание весьма убедительно: «“Проклятьем заклейменные” всех стран, интернационал обездоленных и обиженных — от рабов первых классовых формаций до рабов позднейших цивилизаций — впервые нашли своего выразителя. “Кобзарь” знаменует радикальную демократизацию мировой культуры — идет речь о превращении всей ее общественно-художественной фактуры. С Шевченко заговорили целые социальные материи, еле намеченные на элитарных культурных картах, мощнейшие и до тех пор неизвестные массивы человеческого горя»³. Народные массы в нем ощущают «своего», несмотря на языковые барьеры, а представители «элитарных культурных карт» признают его гениальность как художника, который заговорил на сложнейшем поэтическом языке практически без периода ученичества, констатирует он.

И все же любое чрезмерно спрямленное суждение о творчестве и взглядах Шевченко — восторженное или же пренебрежительное (а таковых тоже немало, особенно в годы юбилеев) — может привести к сбоям в его

² Анонимная рецензия в «Отечественных записках» (1860. Март. С. 50) на выход русскоязычного издания «Кобзаря» (ее написал Н. Костомаров) гласила: «Проникаясь поэзией Шевченко, возникает и утверждается мысль и надежда возрождения массы, прежде осужденной на лишения под гнетом предрассудков, от которых мы еще вообще слишком несвободны, хотя и думаем, что освободились — возрождения массы не только малороссийской, но и вообще всякой... Вот отчего и великорусс, и поляк, и немец, и француз, если только у них есть поэтическое чутье и теплое, любящее сердце, не останется без влияния от поэзии Шевченко». А. Григорьев после смерти поэта писал: «По красоте и силе многие поставляли его наравне с Пушкиным и Мицкевичем: мы готовы идти даже дальше в этом — у Тараса Шевченки есть та нагая красота выражения народной поэзии, которая только разве искрами блистает в великих поэтах-художниках, каковы Пушкин и Мицкевич, и которая на каждой странице “Кобзаря” поразит вас у Шевченки... Шевченко еще ничего условного не боится; нужны ему младенческий лепет, народный юмор, страстное воркованье, он ни перед чем не остановится, и все это у него выйдет свежо, наивно, могуче, страстно или жарливо как самое дело. У него действительно есть и уносящая, часто необузданная страстность Мицкевича, есть и прелесть пушкинской ясности — так что действительно, по данным, по силам своего великого таланта, он стоит как бы в середине между двумя великими представителями славянского духа» (Время. 1862. № 4. С. 636).

³ См. Батькові Тарасові — батько Союзу (Ukrainian national association). N. Y., 1989. P. 27, 31. Примечательно на фоне этого названия, что еще в воспоминаниях А. Козачковского описан случай 19 августа 1845 года, когда именно этнический немец-протестант на вечеринке сказал в адрес Шевченко: «Оце батько. Эй-богу, хлопці, батько! Будь здоров, батьку!» — высоко поднимая бокал, и затем мы все его называли “батьком”» (см. Воспоминания о Тарасе Шевченко. Киев, 1988. С. 89).

восприятию и оцениванию. Поэтическое слово Шевченко и его политическая мысль — всегда неожиданность. Когда намечалась отмена крепостного права, когда царь Александр II принимал меры, одобряемые значительным большинством либерально настроенных подданных, когда «оттепель» (слово Ф. Тютчева) вступала в свои права — он, подобно ветхозаветным пророкам, отметил сам принцип самодержавия. В наиболее яростных стихах Шевченко утверждал, что не обойдется без топора (сокири; здесь и далее позволим себе приводить украинские аналоги его слов и стихотворений).

Однако безоглядным революционером его назвать тоже нельзя: Шевченко в не меньшей мере уповал на мирное развитие, и знаменитый пассаж о пароходе, который проглотит устаревшие порядки (из Дневника), — тому яркое свидетельство⁴.

Как объяснить ненависть Шевченко к царям — надысторическую и внеличностную? И с учетом того, что Украина и ее представители — далеко не худшие — кланялись тому или иному царю (императору, королю). Ненависть к империи есть константа его художественных произведений, потому что она угнетала народы, в первую очередь русский и украинский. И это не триумф, а трагическая констатация, которую Шевченко разделял не только с Н. Чернышевским и А. Добролюбовым, но и с консерватором Ф. И. Тютчевым, обзывавшим умершего императора «лицедеем», постепенцем И. С. Тургеневым, Л. Н. Толстым, едва ли не лично ненавидевшим Николая I, и с А. К. Толстым — поэтом и другом царя Александра II. Просто поэт из гущи народа довел этот принцип до экстремы. И. Дзюба привел едва ли не полтора десятка подобострастных стихов украинцев, славивших белого царя и оплакивавших его смерть⁵. Шевченко еще в 1840-е годы говорил о русских царях как о катах (палачах; в Европе такого рода слова зазвучали в революционное время у П. Беранже, Г. Гейне и Ш. Петефи в 1848 году); в 1860-е он не отказался от этих слов, а усилил их. «Сегодня, — подчеркивает Дзюба, — нам даже тяжело вообразить всю меру того бесстрашия такой мысли, таких слов для того времени»⁶. Он как бы говорил: царь, видишь, до чего ты довел народ?

⁴ Приведем его. 27 августа 1857 года Шевченко на водном пути из Астрахани слушал игру на скрипке «крепостного Паганини» — буфетчика на пароходе «Князь Пожарский». Воздав хвалу и благодарность первому, поэт относительно второго говорит не менее восторженными словами: «Под влиянием скорбных вопиющих звуков этого бедного вольноотпущенника пароход в ночном погребальном покое мне представляется каким-то огромным, глухо ревушим чудовищем с раскрытой огромной пастью, готовую проглотить помещиков-инквизиторов. Великий Фультон! И великий Ватт! Ваше молодое, не по дням, а по часам растущее дитя в скором времени пожрет кнуты, престолы и короны, а дипломатами и помещиками только закусит, побалуется, как школьник леденцом. То, что начали во Франции энциклопедисты, то довершит на всей нашей планете ваше колоссальное гениальное дитя. Мое пророчество несомненно. Молю только многотерпеливого господина умалить малую часть своего бездушного терпения. Молю его коснуться своим свинцовым ухом хоть одной полноты этого душу раздирающего вопля, вопля своих искренних, простосердечных молителеев» (Шевченко Т. Г. Повне зібрання творів: в 6 т. Т. 5. Київ, 1963. С. 109—110). Надо особо отметить, что два последних предложения из этой молитвы прогрессу — искренней и убедительной, а главное, говоря по-научному, релевантной, обычно не приводятся в более чем многочисленных цитированиях. Впрочем, более чем достаточно того, что цитата убеждает: Шевченко писал не только о топоре как движителе развития.

⁵ См. Дзюба И. Тарас Шевченко. Київ, 2005. С. 623—627.

⁶ Там же. С. 626.

Является ли Шевченко безоговорочным певцом националистической политической программы? Вряд ли: идея всеславянского единения, предполагающая сосуществование народов на принципах федерализма, проповедь взаимного уважения между ними (даже в прошлом один с другим вовавшим, как украинцы с поляками, или один другого угнетающим — как русские помещики крепостных-украинцев в дни Шевченко) не позволяют утверждать это безоговорочно.

Еще сложнее проблема отношения Шевченко с религией и с Богом: нельзя ведь, с одной стороны, сказать, как утверждалось в советские времена, что он — безоговорочный атеист, приводя соответствующие строчки из его «Завещания (Заповіта)» или более позднего «Гимна черниц (Гімна черничого)». С другой стороны, согласно современному львовскому исследователю, литературное Евангелие Шевченко — объемный и крайне интересный духовный феномен, в котором соединились мечтания представителя народной среды с высокими ценностями общечеловеческого значения. Демифологизация и очеловеченность не отнимала признаков высокой святости у Богородицы и ее сына — без посылов к культу любого рода типа: Христос — царь во славе или Христос — первый революционер⁷. Интегральным художественным поискам поэта в этом плане нет аналогий, что отмечалось не только критиками, но и многими писателями — теми же Львом и Алексеем Толстыми, М. Горьким или Б. Пастернаком, читавшими и переводившими поэму «Мария».

Конечно, об этих отношениях и противоречиях существует огромный пласт литературы, точнее — существовал: в нынешние времена проблемы взаимообогащения украинской и русской культур через фигуру Шевченко попадают (за редчайшими исключениями) как бы в слепое пятно. Попробуем это пятно осветлить, описывая русскоязычные произведения поэта, а затем то, как воспринимали русские писатели его украиноязычное творчество. И в заключение поставим сакраментальный вопрос: а следует ли нам читать Шевченко сегодня — и на каком языке?

Русскоязычная проза Шевченко в целом отстала от общего потока развития русской прозы, хотя ее автобиографическая составляющая интересна сама по себе. Естественно, если бы Шевченко не был насильственно вырван из литературной жизни (запрещение «писать и рисовать» в этом плане беспрецедентно: большинство «ссылных», включая А. И. Герцена и М. Е. Салтыкова-Щедрина, все же не лишались этого права и часто публиковались под вымышленными именами), он смог бы уловить и реализовать идеи «гоголевского периода» русской литературы и, выйдя из «Шинели» своего земляка Гоголя (которого глубоко уважал, говоря «наш бессмертный Гоголь», — см. запись в Дневнике от 5 сентября 1857 года), пойти своим путем дальше — но его сковывала солдатская шинель.

Но и в таком случае украиноязычная поэзия Шевченко опережала бы ход развития его же русскоязычной прозы, при этом все же опережая развитие русской поэзии того времени. Там, конечно же, звучали мощные голоса «гражданского лирика» Н. А. Некрасова (иногда чрезмерно многословного) и чистых лириков Ф. И. Тютчева (политическая поэзия которого отдавала порой барабанной дробью) или А. А. Фета (с его лирической дерзостью). Но

⁷ См. **Нахлік Є. К.** Доля — Los — Судьба: Шевченко і польські та російські романтики. Львів, 2003.

ощущался запрос на поэзию в масштабе Пушкина и Лермонтова с присущей ей сочетаемостью моментов и гражданственности, и лиризма; его как раз и удовлетворяли — правда для довольно узкого круга русскоязычных читателей — украинские стихи поэта Шевченко. Недаром их так высоко ценили не только революционные демократы А. Добролюбов и Н. Чернышевский, но и уникальные мастера прозы, постигшие глубины русского языка: И. С. Тургенев, Н. С. Лесков и Л. Н. Толстой (который не мог сдержать слез при чтении поэмы «Наймичка», конечно же, не в русском переводе⁸), а позже — А. П. Чехов и И. А. Бунин.

Поэзия Шевченко была враждебно встречена русской литературной критикой в лице В. Белинского. Его логику можно попытаться понять: только-только русская литература в лице А. Пушкина явила высоты духа и формы, совсем рядом начался ее гоголевский период. И вдруг проявляется поэт, представляющий, казалось бы, преодоленную языковую стихию — да еще и пишущий на «примитивные» темы. Критики демократического толка того времени, кроме этого, чрезмерно увлекались немецкой философией, стремящейся ввысь, а здесь — обращение к гуще народной жизни. Неудивительно, что в 1840-е годы она не вписывается в рамки этой философии, поэтому творения Шевченко полнее и адекватнее оценивали критики консервативного лагеря, поначалу не замечавшие его стихийного демократизма. Затем эти два крыла критики поменялись местами: А. Добролюбов оценивал Шевченко высоко, консервативные же критики старались его не замечать.

Если вернуться к русскоязычной прозе Шевченко, то действительно, в повестях ему не в полной мере удалось реализовать свой талант, хотя негативизм по отношению к ним со стороны украинца П. Кулиша и русского С. Аксакова можно считать чрезмерным и идеологически ангажированным. И то, что его повести не принимались русскими журналами (украинских не было), несправедливо: они, как сейчас говорят, публикабельны и вполне читабельны, хотя и несоизмеримы с поэтическим творчеством Шевченко. Поэт по этому поводу, судя по его письмам, особо не горевал — рисовать он после ссылки все же мог, зарабатывая себе на жизнь и достигнув в 1860 году высшего звания в Академии художеств (усовершенствовав способы гравирования), а псевдоним, под которым он стремился их публиковать, — «Кобзарь Дармограй» — оказался как бы излишне говорящим. Повести увидели свет в 1888 году — и их автор правомерно рассматривался — например русским историком литературы А. Н. Пыпиным — в качестве оригинального прозаика.

Почти каждая из повестей имеет свое зерно: в «Капитанше» это сюжет и характер солдата-украинца, который спасает дочь одного капитана и ее дочь уже как наложницу капитана другого; автобиографические сведения в «Художнике»; идеи педагогического характера в повести «Близнецы» и т. д. Создание повестей Шевченко и попытки их публикации — сама по себе повесть при его жизни. Он писал их в ссылке для русскоязычных журналов в надежде на заработок, а также скорее всего потому, что там для поэ-

⁸ По свидетельствам, приведенным в книге Шаблювского, Толстой декламировал «Наймичку» на украинском языке и считал поэму настоящим произведением (см. Шаблювский Е. С. Т. Г. Шевченко и русские революционные демократы, 1858—1861. М., 1962. С. 324); в свою очередь Шевченко с одобрением принял весть о народной школе в Ясной Поляне и учитывал опыт ее работы при создании своего «Букваря южнорусского» (1861) и программы образования украинского народа.

зии у него не было «горючей массы». Однако проза русскоязычная сделала большой рывок именно в его вынужденное отсутствие, и Шевченко это не мог не осознавать.

И все-таки, как справедливо отметил И. Дзюба, Шевченко в повестях (в меньшей степени в Дневнике и совсем в малой в русскоязычной поэзии) стремился сказать: «Украина имеет свое лицо, отличное от лица России, свою историю и культуру»⁹, не говоря уже о том, что это еще в большей мере отражалось в его украиноязычном творчестве. Экс-президент Украины Л. Кучма, человек, в прошлом немало сделавший для кооперации русско-украинских научно-технических связей и знающий цену другим связям, отмечал: «Человек, написавший великие и страшные — и не только для верующих людей — строки: “Я так її, я так її люблю, / Мою Україну убогу, / Що проклену святого Бога, / За неї душу погублю!” словно совершил ценой собственной души какой-то непостижимый обряд искупления всех прошлых и будущих грехов своей родины»¹⁰. На русском языке эти (как и многие другие) строки звучат далеко не с

той страстной силой; приведем соответствующий перевод: «Я так, я так ее люблю, / Украину, мой край убогий. / Что прокляну святого бога / И душу за нее сгублю!»¹¹

Итак, Шевченко, по далеко не бесосновательным словам Кучмы, в условиях бездержавности Украины сделал «Кобзарь» декла-

рацией бытия украинского народа; его роль в национальном самоопределении украинцев не сравнима ни с кем до него и после него; своими стихами он узаконил само слово «Украина» как единственно возможное название и своей родины, и будущего государства (примечательно, правда, что все эти суждения приводятся из параграфа под названием «Украинский как угроза» в главе «Украина и русский язык»¹²).

Шевченко в условиях бездержавности Украины сделал «Кобзарь» декларацией бытия украинского народа; его роль в национальном самоопределении украинцев не сравнима ни с кем до него и после него; своими стихами он узаконил само слово «Украина» как единственно возможное название и своей родины, и будущего государства.

⁹ Дзюба И. Тарас Шевченко. С. 516.

¹⁰ Кучма Л. Украина — не Россия. Киев, 2003. С. 78.

¹¹ Шевченко Т. Г. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. М., 1948. С. 35.

¹² О. Вишня, украинский юморист со всесоюзной славой, писал в своих дневниковых записях от 27 декабря 1949 года: «Достаточно было одного человека, чтобы спасти целый народ, целую нацию. Что это — бедность? Нет, это как раз большое богатство нашего народа, когда один человек подставляет свои могучие плечи за весь народ!» (Вишня О. Файлетони. Гуморески. Усмішки. Щоденникові записи. Київ, 1984. С. 478). Поистине так..

В то же время Л. Кучма со всей определенностью — и вряд ли отказываясь от вышеприведенного — утверждает: «У нас уже есть неразрушимый мост к русскому языку. Это русское творчество Шевченко... Воспользоваться таким мостом или нет, каждый украинец решит для себя сам, никакой обязанности тут быть не может. Но возможность предоставлена всем — русский язык всегда будет у нас одним из важнейших школьных предметов, русский язык никогда не должен чувствовать себя иностранным в Украине»¹³. Очень взвешенное заявление, и апелляция к русскоязычному творчеству Шевченко здесь едва ли не ключевая. Хотелось бы, правда, чтобы и украинский язык не чувствовал себя на задворках в России, учитывая, что его носителей тоже — как французского или немецкого — десятки миллионов...

В сфере культуры этот вопрос значим не только для двух упоминаемых народов, но и для чехов и словаков, сербов и хорватов, а также для испанцев и каталонцев, англичан, шотландцев и ирландцев и т. д. Он решается долго и, как показывают результаты, плодотворно скорее за письменными столами писателей и поэтов, историков, этнологов и т. п., чем в жестких политизированных столкновениях. Но часто и эти результаты являются предметом излишне пристрастных истолкований в (искрене/щиро) национальном духе.

Не прост вопрос и с побуждениями к написанию русскоязычных поэтических и драматических произведений. В сохранившихся фрагментах трагедии «Никита Гайдай», написанной в 1841 году, особенно примечателен призыв к славянскому единению; в ней ставится вопрос, ответ на который не найден и сегодня: «Славяне! несчастные славяне! Так нещадно и так много пролито храброй вашей крови междоусобными ножами. Ужели вам вечно суждено быть игралищем иноплеменников? Настанет ли час искупления? Придет мудрый вождь из среды вашей погасить пламенный раздор и слить воедино любовию и братством могущественное племя! (*Задумывается*)»¹⁴. Отрывок из пьесы был опубликован в девятом номере журнала «Маяк» за 1842 год, и для набравшего силу движения славянофилов, а затем и идей панславизма эти призыв и вопрос звучали очень убедительно (тот же С. Аксаков многое «прощал» поэту, уже в конце 1850-х годов перешедшему на позиции революционного демократизма. Другие славянофилы оценивали Шевченко пожестче, но и от него получали укоризны — к примеру И. Аксаков за подобострастную «Русскую беседу» и за излишнее «ревнительство» властям).

Поэма «Тризна» носит во многом автобиографический характер, впрочем, и была написана по сердечному запросу княжны В. Репниной, близкого друга поэта, дочери Н. Репнина-Волконского (старшего брата декабриста С. Волконского — отсюда и аллюзии на его нелегкую судьбу). Но все-таки поэма — скорее аллегорическая исповедь, хотя и в ней отыскивается ключ к пониманию судьбы поэта, его души, терзаний, тех тяжелых коллизий, в которые ввергала его жизнь. Остается добавить, что именно русская классическая литература высоко подняла планку исповедальности, значимую для художественного развития всего человечества. В своей поэме Шевченко воспринимал (и отвергал заодно) сложившуюся романтическую традицию, задавая уже свои способы исповедальности (как это зафиксировано в стихотворении «Три літа»).

Поэма поистине переломная, и надо учесть такого рода момент: автор — герой поэмы готов к самопожертвованию, не требуя признания, но внеш-

¹³ Кучма Л. Украина — не Россия. С. 313.

¹⁴ Шевченко Т. Г. Повне зібрання творів. Т. 3. С. 58.

нее окружение восприняло его как героя. От него ждали нового слова — и автор должен был его сказать, а следовательно — жить! И действительно: Шевченко, отчитавшись в первую очередь перед собой (но в немалой мере также перед княжной В. Репниной) по-русски, начал по-иному говорить по-украински. Можно выдвинуть положительно провокативный тезис: если бы один период творчества Шевченко не завершился на русском языке, не проявился бы в полную силу другой — украинский период¹⁵.

Дневник Шевченко, отличаясь от ряда дневников своего времени, несет на себе печать авторской индивидуальности, отражающейся как раз через русский язык, который «пригодился» и для фиксации тонких движений души, и для выражения социальной позиции, и для эстетических суждений, и для философских размышлений. Этническая идентичность Шевченко не только не пострадала, но и обогатилась новыми открытиями для расширения диалога (которым по сути является любой дневник). Автор в нем зафиксировал некий экзистенциальный сдвиг — возвращение в свободную (освобождающуюся после николаевской тесноты) жизнь с новыми типами людей: это своеобразное «второе рождение». Особенно его радовали признаки возрождения украинства, причем на русской (точнее — имперско-национальной) почве в том же Петербурге, ставшем ко времени приезда в него Шевченко местом рождения первой украинской Громады.

По мнению американского литературоведа К. Рубчака, Дневник, именуемый им «Журналом», представляет собой своеобразную пару с предельно освобожденной структурой «Кобзаря»; это не столько интимный дневник (хотя не без интимностей в самых различных смыслах), но собственно журнал в англоязычной традиции, чем-то похожий на, к примеру, ведущийся в экспедиции географа А. Бутакова с участием поэта в качестве живописца. Фактически он открывает новые ипостаси личности Шевченко не только как поэта, но и как политического мыслителя и общественного деятеля — причем с сохранением максимума объективности¹⁶.

Аналогов ему практически не было на украинском языке, но весьма немало отыскивается и на русском — разве что Дневник другого бывшего крепостного — А. Никитенко. Дневник фиксирует, что и в Астрахани, и в Нижнем Новгороде, и в Москве, и наконец в Петербурге его встречали как поэта-страдальца, от него ждали новых творений со старыми проклятиями самодержавию — и он оправдывает эти ожидания. Кроме того, он становится фигурой общественно-политической жизни всеимперского масштаба — налаживая отношения с теми, кто именуется революционными демо-

¹⁵ Уместно наблюдение американского слависта и этнического украинца Г. Грабовича, которому, казалось бы, «по должности» надо аннигилировать русские влияния на поэзию Шевченко. Следуя традиции подлинного академизма, он глубже проник в позицию и украиноязычных исследователей, отрицающих это влияние, и русскоязычных, только о нем говорящих. Профессор Гарвардского университета видит в обращении к русскому языку рецепцию уже разработанного его инструментария. «Призна» выступает как реквием и символ возрождения, она открывает и глубинную тенденцию обращения к библейским образам — в первую очередь к Слову, которое спасает; она расширяет мировоззренческие горизонты поэта (упомянувшего в поэме о мыслях Канта и Галилея); она — русскоязычное творение — знаменует поворот к новому украинству. «Здесь поэт может обернуться на уже сделанное и благодаря величественному парадоксу возрождения через смерть напрячь силы для нового задания» (Грабович Г. Шевченко, якого не знаємо. Київ, 1998. С. 51). Остается добавить, что Шевченко не ушел от общей судьбы русских поэтов с фатальной цифрой 37 лет: столько он прожил в условиях свободы, а 10 лет у него «выгрызла» ссылка.

¹⁶ См. Світи Тараса Шевченко. Нью-Йорк, 1991. С. 87.

кратами, не теряя контактов со славянофилами и западниками (апелляции к образу Вашингтона в поэме «Юродивый», которая была написана в конце 1857 года и которую поэт имел намерение «непрерывно написать по-русски» — в этом плане даже среди них редкое явление¹⁷).

Дневник — свидетельство богатейшей эрудиции поэта (которая была присуща, пожалуй, лишь одному писателю, также не получившему систематического образования, — М. Горькому). В нем находят отражение не только сомнения и страхи, подробности приватной жизни, мелочи быта, но и высказываются упования в связи с будущим — каковое для Шевченко не имело смысла без освобождения крестьян, жесткие оценки настоящего и формирующего это настоящее лиц, да и прошлого — без раскаяния.

В целом даже самые пристрастные националисты, конечно же, не могут не признать, что Шевченко писал и на русском языке. Академические исследователи отмечали, что поэт, будучи одним из представителей славянского триумвирата, включая Пушкина и Мицкевича, не мог не окликаться на их творчество (они, поэты-дворяне, может, и не могли бы проигнорировать творчество поэта-крестьянина; но Пушкин погиб до выхода произведений Шевченко, а Мицкевич отошел от поэтического творчества). При этом, согласно современному исследователю Е. Нахлику, все они «создавали “должный”, а не “сущий” образ протобытия своих народов», что еще больше затрудняет проблему соотношения их творческого наследия. В любом случае, согласно книге с весьма примечательным названием «Доля — Los — Судьба», содержащим одно слово на трех языках, справедливо подчеркивается, что в данном отношении надо доходить до метафизического ядра личности Шевченко, чтобы оценить его взгляды на социальные и исторические реалии, а также пребывание в социуме Российской империи (другой для него не было).

Н. Огарев писал в предисловии к сборнику «Русская потаенная литература XIX века»: «Украина проснулась в Шевченке, и — лучшее доказательство как сила обстоятельств влечет к самобытности областей и нераздельности союза, — Шевченко, народный в Малороссии, с восторгом принят как свой в русской литературе и стал для нас родной: так было много общего в наших страданиях и так самобытность каждого становится необходимым условием общей свободы»¹⁸.

Парадоксом является то, что отсутствие переводов творений Шевченко на русский язык мешает данному родству. Кто бы за них ни брался — успеха не было, что не снижало интереса к творчеству поэта. Примечательно свидетельство художника И. Репина, не раз иллюстрировавшего поэтические труды Шевченко: «Мы, люди шестидесятых годов, любили их одинаково —

¹⁷ Украинцы в США и других зарубежных странах, да и в своем государстве, все еще повторяют как молитву слова: «Коли / ми діждемося Вашінгтона / З новим і праведним законом? / А діждемося-таки колись!» — постоянно забывая, что они окружены «минным полем» национальной самокритики: «...ми дивились та мовчали... / німії. Подлії раби / Підніжки царьськїї, лакеї / капрала п'яного!...» до слов о Вашингтоне: «Не сотні вас, а мільони / Полян дулебів і древлян / Гаврилич гнув во время оно» (Шевченко Т. Г. Повне зібрання творів. Т. 2. С. 296—297) [«Когда / И мы дождемся Вашингтона / И правды нового закона?... мы смотрели и молчали / немые, подлые рабы / Холопы царские, лакеи / Капрала пьяного!.. Не сотни вас, миллионы / Полян, дулебов и древлян / Гаврилыч гнул во время оно» (Шевченко Т. Г. Собрание сочинений. Т. 2. С. 286—287)]. Очень трудно трактовать Шевченко — если не цитировать его лишь по своему выбору; вулканические лавы дают о себе знать в большинстве его стихотворений...

¹⁸ Огарев Н. И. Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952. Т. 1. С. 466.

и Шевченко и Некрасова. И на стене своей комнаты вешали их портреты рядом»¹⁹. Его суждение о том, что творчество Шевченко не может быть понято вне связей с всероссийским освободительным движением 1840—1860-х годов и наоборот — трудно представить важную часть палитры этого движения без Шевченко, подтверждается утверждением некоего «москаля» Н. Шигарина: «Некоторые тогда учились малороссийскому языку собственно для того, чтобы в состоянии быть читать и понимать Шевченку»²⁰.

К. Чуковский весьма убедительно проанализировал эту «аномалию». Согласно его наблюдениям, Шевченко едва ли не принципиально неперево­дим именно на русский язык, но при этом он не может не считаться в качестве значимого элемента русской художественной культуры. Например, многие стихи Шевченко переводились в «частушечном» ритме, особенно те, которым присуща так называемая шевченковская строфа. Лишь выходя из Одессы поэту Э. Багрицкому удалось освоить ее в знаменитой «Думе про Опанаса», однако частушечный ритм погубил его перевод антицаристского стихотворения Шевченко «О люди! Люди небораки!», которое имело особо тяжкую судьбу. В империи оно публиковалось с купюрами и лишь в пражском издании «Кобзаря» 1876 года вышло полностью. Как во многих других стихотворениях частное наблюдение (организованная скорбь по поводу похорон царицы Александры Федоровны) становится причиной общего крика о несправедливости существования всего мира. Заключительные слова стихотворения «Чи буде правда на землі? / Повинна быть, бо сонце встане / І осквернену землю спалить»²¹ — вызывают мощное душевное волнение. А вот их перевод в издании 1948 года: «Придет ли правда для людей? / Должна притти — ведь солнце встанет / И зло в лучах ее растает»²².

Поэтому справедливо и общее суждение Чуковского: «По странной аберрации вкуса у нас до самого недавнего времени очень немногие знали, что Шевченко — поэт гениальный. Одни ценили в нем главным образом то, что он, как выражалось в ту пору, — представитель гражданской поэзии, другие ценили в нем то, что он вышел из низов, из народа»²³. Это касалось даже таких авторитетных ценителей слова, как С. Аксаков и И. Тургенев, но, добавим от себя, не таких, как Л. Н. Толстой или Н. С. Лесков. И те, и другие читали Шевченко все же на украинском.

Еще одно наблюдение Чуковского: «Было бы сумасшествием думать, будто в русском языке не хватает ресурсов передать всю поэзию украинского подлинника. Мало существует таких трудностей, с которыми не смог бы

¹⁹ *Цит. по:* Шаблювский Е. С. Т. Г. Шевченко и русские революционные демократы. С. 11.

²⁰ *Там же.* С. 16. И еще об отношении русских к Шевченко: графа Ф. Толстого царь вычеркнул из списка награждаемых за то, что тот поддерживал Шевченко, затем ему пришлось оставить пост в Академии художеств. Черкасский же исправник В. Табачников не остановился перед клеветой, причем он выступал «защитником нравственности крестьян от посягательств» Шевченко и его мнимого богохульства.

²¹ Шевченко Т. Г. Повне зібрання творів. Т. 2. С. 411.

²² Шевченко Т. Г. Собрание сочинений. Т. 2. С. 365. Так и хочется продолжить: «Мимо уточка плыла / Тане мячик подала» — перевод убил пророческую мощь шевченковского слова. В большей мере соответствует духу оригинала перевод А. Тимофеевского из «Нового мира»: «Когда же будет суд и кара / Настигнет ли царят, царей, / И правда будет меж людей? / Иначе солнце вспять пойдет / И землю грешную сожжет». И все же сам переводчик, по-видимому, согласится, что эпической горести поэта в полной мере и ему не удалось передать.

²³ Чуковский К. Собрание сочинений. Т. 3. М., 2008. С. 363.

совладать этот многообразный язык... Именно потому, что украинский язык так родственно близок русскому, переводчик на каждой странице наталкивается на подводные рифы и мели, каких не существует при переводе с других языков. Здесь с особенной ясностью видишь, как безнадежны бывают в отношении точности дословные воспроизведения текста»²⁴.

И все же поэзия Шевченко в полном объеме (не числа строк, а множества смыслов) может и должна быть освоена, в чем заключается и ответ — вызов к более полному освоению именно русского языка. Дело в том, что вникание в богатство языка украинского способствует освоению глубин русского — что и демонстрирует несомненный интерес к гению Шевченко гениев русской письменности. Это не значит, что надо едва ли не насильно внедрять стихи Шевченко в самые разные образовательные структуры, где часто в век компьютерной грамотности и русские стихи приходится читать со словарем²⁵. Но в некоем граничном видении следует сказать тем, для кого освоение языка — не только профессия, но и призвание (включая переводчиков): стихи Шевченко переводить мы обречены, и высокие образцы в этом деле уже достигнуты. В том же наполненном частушечными ритмами издании 1948 года есть замечательные переводы «Завещания» А. Твардовским, не обошедшегося без слова «могила», но в правильном толковании, и вместе с тем написавшем слово «Бог» — с маленькой буквы (правда, в юбилейном украинском издании это слово написано с той же прописной). Поэму «Мария» — плод влияния не только Евангелия, но и, судя по ряду косвенных свидетельств М. Драгоманова, современных Шевченко гегельянцев (он знакомился через вторые-третьи руки с идеями Д. Штрауса, Л. Фейербаха²⁶ с присущими им принципами антропологизма), — перевел Б. Пастернак, отрывок из поэмы «Княжна» — С. Есенин.

Все же в наше непростое время оказывается, что не одним русским (россиянам и этническим русским) трудно уяснить гений Шевченко: это затруднительно по самым разным причинам и украинцам (и разноязычным гражданам независимой Украины, и этническим украинцам). Так, одним из подводных камней к юбилею оказался рост того, что один из лучших знатоков творчества поэта И. Дзюба назвал «шевченкофобией», признаки которой проявляются повсеместно. Это тем более вероятно, если исходить из феномена, как говорят, «заточенности» современной медийности на негатив. Зачем осваивать «Кобзарь» или тот же многострадальный «Тихий Дон», если можно обойтись сплетнями — даже если они оформлены наукообразно и с указанием всех не совсем чистых «источников»? Пусть-де говорят что угодно — лишь бы не трудиться душой.

Шевченкофобия на Украине была всегда, она в большей степени характеризовала взгляды промонархических кругов. Так, перед его 100-летним юбилеем черносотенная газета «Киевъ» писала: «Был человек весьма малограмотный, невежественный, не подозревавший о существовании знаков препинания и совершенно неспособный по своему умственному убожеству»²⁷.

²⁴ Там же. С. 344.

²⁵ Правда, есть группы, весьма эффективно осваивающие творения Одена да Донна на староанглийском — с подачи их русскоязычного пророка Джошуа Бродски; таких пророков для творений Шевченко почему-то нет.

²⁶ См. Драгоманов М. П. Шевченко, українофіли і соціалізм // Вибране «...мій задум зложити очерк історії цивілізації на Україні». Київ, 1991. С. 361.

²⁷ Цит. по: Дзюба І. Шевченкофобія в сучасній Україні. Київ, 2004. С. 4.

И это в то время, когда академик Д. Овсяннико-Куликовский утверждал на торжественном заседании в честь поэта: «Шевченко можно считать поэтом национального возрождения и общечеловеческим поэтом — и тем самым выяснить его значение для Украины, для всей России и для человечества»²⁸.

Одним из источников шевченкофобии является то, что отвержение им имперского деспотизма трактуется как ненависть к русскому народу — чего, конечно же, в его творчестве нет. Заодно отбрасывается и язык критики: то в газете «Крымская правда» ее главный редактор пишет, что «нет такого украинского языка. Это язык черни... язык, который искусственно выдумали Шевченко и другие авантюристы»²⁹. То в Харькове выходит «научная» книга с 650 литературными ссылками, где ее автор ничтоже сумняшеся заявляет, что Шевченко не писал на украинском языке и даже название своего главного труда «Кобзарь» привел с мягким знаком, а алфавит в его «Букваре южнорусском» был русским без всяких отклонений³⁰.

Есть и более «научные» подходы в шевченкофобии. Стыдливые шевченкофобы с украинскими фамилиями утверждают, что якобы «Тарас Шевченко оказался идеальной фигурой и для радикальных националистов. Его антимоскальская и антипольская поэзия блестяще заполняла идеологические пробелы националистов... Все петлюровские атаманы прямо отождествляли себя с гайдамаками и устраивали резню жидов, немцев, москалей и ляхов, руководствуясь поэзией Т. Шевченко. Перед своей совестью они были чисты, поскольку Шевченко-пророк поэтически “святил” эти античеловеческие акции»³¹ (не отстают от киевлян и авторы из Луганска, выпустившие как раз к юбилею очередную книгу-фобию³²).

Авторы вроде бы не знают, что С. Петлюра шел на союз и с русским А. Деникиным, и с поляком Ю. Пилсудским ради той государственности, которую они так «корректно» описывают, запрещал еврейские погромы и т. п. Что касается «античеловеческих акций» по отношению к самим украинцам, то их все перечисленные народы также не сдерживали, хотя — как это бывает в истории любого народа — самые бесчеловечные акции против украинцев устраивали сами украинцы...

Еще 23 октября 2012 года В. Путин и В. Янукович утверждали, что юбилей Шевченко Украина и Россия отметят вместе³³. Так и будет, вопреки всем политическим турбулентностям. Но и предсказать клонирование попыток шевченкофобства нетрудно. Поэтому и в юбилейные годы не следует терять трезвости взгляда и меньше канонизировать поэта в качестве «национального святого» — лучше перечитывать его произведения. Например, такие: «Та не однаково мені, / Як Україну злії люде / Присплять, лукаві, І в огні / Ї, окраденую, збудять.../»³⁴. [«... и лишь одно, / Я знаю — мне не все равно: / Что

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 5.

³⁰ См. Каревин А. Русь нерусская. Как рождалась «рідна мова». Харьков, 2009. С. 76.

³¹ Мирошниченко Ю., Удовик С. Русь. Украина. Становление государственности. Киев. 2011. С. 156, 292.

³² См. Греков Н. А., Деревянко К. Р., Бобров Г. Л. Тарас Шевченко — крестный отец украинского национализма. Луганск, 2014.

³³ См. День. 14.03.2013.

³⁴ Шевченко Т. Г. Повне зібрання творів. Т. 2. С. 9.

Украину злые люди, / Лукавым убаюкав сном, / Ограбят и в огне разбудят»³⁵]. Этому может противостоять лишь здоровая народность.

Данная тема просыпающейся народности была подхвачена другим членом Кирилло-Мефодиевского общества — П. Кулишем. В своих «хуторянских письмах» он отмечал, что Шевченко — поэт поистине народный, поскольку он дал голос тем, «кого давно уже забыли — сельскому неграмотному люду с его языком без печати», которым пренебрегали грамотные горожане. Новая сила — народность соединила их между собой, и в этом — чистый подвиг Шевченко³⁶. Еще более выразительно подчеркнул эту мысль упомянутый выше В. Скуратовский, который писал о Шевченко как великом поэте, нарушившем тысячелетнюю немоту угнетаемых: «Вполне очевидно абсолютное преимущество такого художественного “самоосмысления” мира над вхождением в него “со стороны”, собственно, с “социального верха” с его бесконечными аберрациями взгляда и разума»³⁷.

Действительно, вспомним, что «приближение к народу» было священной целью классической русской литературы. Это был нелегкий путь для Н. М. Карамзина с его «бедной Лизой», для А. С. Пушкина с его Емельяном Пугачевым и Савельичем, для И. С. Тургенева с его героями «Записок охотника». Конечно, всем им не откажешь в гениальных художественных прозрениях и душевной доброте, но влезть в шкуру угнетенных они не могли. А насколько это трудно, показал пример Льва Толстого, самочинно пахавшего и сеявшего, да и слава Максима Горького, поднявшегося к вершинам литературы из «низов». Это одна из глубинных причин тяготения к Шевченко большинства классиков великой русской (и не только русской) литературы.

Можно ли трактовать русскоязычное творчество Шевченко так, чтобы оно отчуждало носителей двух языков? — Можно. Продуктивно ли это? В целях политики или политиканства — может, и да; но в плане культурного диалога — здесь масса загадок и возможностей. Недаром и самые ангажированные шевченкознавцы избегают окончательных суждений в данном направлении.

А главное: нужно ли сегодня русским читать произведения Шевченко на его родном языке? — Нужно. Ибо это не только выявление мощи его первозданного поэтического гения, в своих стихотворениях, подобно Данте, описывающему «субстанцию ада» социального и национального угнетения, но и способ выявления мощи и глубин русского языка. В этом одна из причин такого пристрастного внимания великих русских писателей к его творчеству, чему можно поучиться и писателям дня сегодняшнего, да и не только писателям.

На этом хотелось бы закончить статью (скорее — заметки), надеясь, что не одни ее авторы признают значение Шевченко, чей «Кобзарь» стал декларацией бытия украинского народа и одновременно «русской земли человека замечательного», а также певца всеславянского единения. Это нужно для глубинного взаимопонимания украинского и русского народов хотя бы через представителей их культур. И хотя бы в год 200-летнего юбилея великого сына Украины. ◆

³⁵ Шевченко Т. Г. Собрание сочинений. Т. 1. С. 371.

³⁶ См. Куліш П. Зазивний лист до української інтелігенції. Листи з хутора. Київ, 2012. С. 48, 51.

³⁷ Батькові Тарасові — батько Союз (Ukrainian national association). Р. 27.